

болѣе отъ творческихъ способностей пѣвца и долговременной пѣвческой практики, чѣмъ отъ механическаго усвоенія правилъ, которыя къ тому же не могутъ быть полны и совершенны во всемъ. Примѣръ стихирь: „Вечернія наша молитвы“, распѣтой инымъ образомъ, съ дѣленіемъ мелодическихъ строкъ на три парныя группы:

1, а.

Вечер - ні - я на - ша мо - лит - - вы

б. 2, а.

прі - и - ми Свя - тый Го - спо - ди, и по - даждь намъ

б. 3, а.

о - став - ле - ні - е грѣ - ховъ : и - ко

б.

е - динъ е - си яв - лей въ мі - рѣ во - скре - се - ні - е.

§ 14. Достоинство, древность и неповрежденность мелодій знаменнаго распѣва, сохраняемыхъ Православною Русскою Церковію.

Преимущественное достоинство знаменнаго распѣва въ ряду другихъ распѣвовъ Русской Церкви неоспоримо: 1) знаменный распѣвъ есть древнѣйшій изъ распѣвовъ Русской Церкви, современный началу христіанства въ Россіи, и былъ въ ней единственно общеупотребительнымъ при храмовомъ богослуженіи до половины XVII в. Слѣдовательно онъ находится въ ряду предметовъ церковнаго преданія, которые, хотя и не предписаны церков-

ковнымъ законодательствомъ, но драгоценны, какъ завѣщаніе древней Церкви, и должны быть свято соблюдаемы и охраняемы, каковы напр. древніи богослужебныя книги, древня иконопись, священныя одежды, церковная утварь и т. п. 2) Мелодіи знаменнаго распѣва имѣють тѣсную связь съ виѣшнимъ порядкомъ богослужебнаго пѣнія, предписаннаго церковнымъ уставомъ и богослужебными книгами (напр. пѣніе на подобны), а съ другой стороны съ содержаніемъ и характеромъ богослужебныхъ пѣснопѣній, потому что онѣ совмѣщаютъ въ себѣ всѣ тѣ свойства, которыя церковнымъ преданіемъ требуются отъ церковно-богослужебнаго пѣнія, именно: внятность и вразумительность произношенія, ясность и выразительность мысли текста, простоту музыкальнаго построенія, безстрастіе и важность характера, короче — онѣ имѣють вполне характеръ богослужебной церковности, свойственный и другимъ церковнымъ предметамъ и учрежденіямъ. Въ частности „примѣненіе мелодическихъ строкъ къ текстовымъ сообразно мысли послѣднихъ, по наблюденію о. прот. Разумовскаго, составляетъ исключительную принадлежность одного стараго знаменнаго распѣва“¹⁾. Между тѣмъ какъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ по происхожденію напѣвовъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ этихъ свойствъ въ совокупности, напротивъ одни изъ нихъ, при нѣкоторыхъ своихъ достоинствахъ, бѣдны мелодическимъ содержаніемъ, другіе недостаточны для надлежащаго выраженія словеснаго ритма пѣснопѣній, а слѣдовательно и для выраженія религіозной мысли и чувства, иные отличаются искусственностію и сложностію музыкальнаго построенія, иные допускають веселую игривость или даже страстность выраженія, иные — бѣглость или напряженность голосовъ при пѣніи (крикливость), несвойственныя характеру церковнаго богослуженія. 3) Мелодіи знаменнаго распѣва имѣють полную примѣнимость

¹⁾ „Теорія и практика церковнаго пѣнія“, стр. 60.

и къ исполненію ихъ пѣвцами, ибо соединяютъ въ себѣ удобопонятность и удобопѣваемость, каковыхъ свойствъ не имѣетъ напр. позднѣйшее партесное пѣніе. Последнее далеко не всѣмъ понятно, но только приготовленнымъ къ тому и обладающимъ извѣстною степенью пѣвческой эрудиціи, исполнимо же надлежащимъ образомъ только избранными пѣвцами, которые обладаютъ извѣстными качествами голоса, извѣстною степенью техническихъ познаній и искусствомъ исполненія. Партесное пѣніе въ музыкальномъ построеніи перѣдко уклоняется къ хроматизму, излишней искусственности мелодическихъ оборотовъ, къ сложности гармоніи и украшеній, въ исполненіи же сопровождается щегольствомъ голосовыми средствами или техникою исполненія, утонченностію вкуса, изысканностію и разнообразіемъ приемовъ исполненія; вообще оно способно отвлекать слушателей отъ молитвеннаго настроенія духа въ область искуснаго сочетанія и произведенія звуковъ помимо мысли и чувства, выражаемаго богослужебнымъ текстомъ. Поэтому же оно для большинства церковныхъ клирѣсныхъ пѣвцовъ неудобопѣваемо, а для народа и совершенно не исполнимо. Попытки же исполнять партесное пѣніе недостаточными голосами и безъ достаточныхъ техническихъ познаній сопровождаются искаженіемъ церковнаго пѣнія и приемами, совершенно не умѣстными при богослуженіи. Наконецъ при музыкальной сложности церковнаго пѣнія не только слушатель, но и пѣвецъ не выноситъ изъ церкви никакого яснаго представленія о напѣвѣ пѣспопѣнія и не можетъ его воспроизвести внѣ храма, хотя бы многократно слышалъ его исполненіе. Въ этомъ последнемъ обстоятельствѣ заключается весьма важный недостатокъ современнаго намъ церковнаго партеснаго пѣнія, удаляющій міряныя отъ участія въ немъ въ храмѣ и отъ усвоенія его для домашняго употребленія.

Но дѣйствительно ли мелодіи нашего знаменнаго распѣва, какъ и богослужебный текстъ, имѣютъ древнее визан-

тійское происхожденіе, затѣмъ не потерпѣли ли онѣ въ древнія или позднѣшія времена какихъ либо существенныхъ измѣненій?

1) Древнее русское церковное пѣніе не въ Россіи изобрѣтено. Оно появилось первоначально не въ западной, а въ южной Россіи и чуждо вліянія западнаго пѣнія и органной музыки, еще въ VIII вѣкѣ начавшей выдѣляться своими гармоническими свойствами (дискантъ). По словамъ о. Архим. Порфирія (Успенскаго) „столповое пѣніе у насъ похоже на пѣніе коптовъ“¹⁾. По это краткое и голословное указаніе на египетское происхожденіе нашего знаменнаго пѣнія не подтверждается у него никакими историческими и палеографическими данными. Наше русское пѣніе есть пѣніе славяно-греческое и проникло въ Россію съ юга двумя параллельными теченіями, именно изъ Болгаріи (первоначально столповой роспѣвъ) и непосредственно изъ Греціи (первоначально кондакарное пѣніе), подъ вліяніемъ каковыхъ теченій находилось въ продолженіе всей своей исторіи въ Россіи. Оба теченія имѣли первоначальнымъ своимъ источникомъ византійское церковное пѣніе, затѣмъ въ XIV вѣкѣ слились въ одно знаменное пѣніе²⁾. Последнее въ XVI вѣкѣ распространено мелодически и образноображено многочисленными видами роспѣвовъ знаменныхъ. Во второй половинѣ XVII вѣка церковное пѣніе Русской Церкви снова пополнено изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ заимствовано въ началѣ, именно роспѣвами болгарскимъ и новогреческимъ, а также кіевскимъ, образовавшимся преимущественно изъ знаменнаго, но стоящимъ уже подъ вліяніемъ западнаго гармоническаго пѣнія.

¹⁾ „Второе путешествіе по Св. горѣ Аѳонской“. стр. 309.

²⁾ Проф. Ст. В. Смоленскій на основаніи древнихъ пѣвчихъ рукописей предполагаетъ около этого времени „сильный переворотъ“ въ наше церковное пѣніе, „въ родѣ исправленія пѣвчихъ книгъ, дополненія и развитія ихъ содержанія“ (см. Азбуку знаменнаго пѣнія А. Мезенца. Казань. 1888 г. стр. 33). Но это не даетъ повода думать, будто наше древнее церковное пѣніе измѣнилось существенно.

Церковное пѣніе несомнѣнно получено Русскою Церковію первоначально отъ славянъ болгарскихъ, а затѣмъ отъ грековъ. Да иначе и быть не могло, потому что оно, основываясь съ вышней стороны на уставномъ порядкѣ церковнаго богослуженія, а съ внутренней — на словесномъ ритмѣ пѣснопѣній имѣеть тѣсную связь не только съ богослуженіемъ, но и съ богослужебнымъ текстомъ священныхъ пѣснопѣній, въ связи съ которымъ его мелодіи возникали, а затѣмъ конечно и передавались Цареградскою Церковію другимъ церквамъ. Предположеніе, что дунайскіе славяне, сообщивъ русскимъ богослужебныя книги и установивъ у нихъ порядокъ самаго богослуженія, не сообщали имъ церковныхъ напѣвовъ, или что русскіе, находясь въ началѣ подъ непосредственнымъ управленіемъ греческихъ пастырей, не усвоили ихъ напѣвовъ, было бы весьма странно.

О заимствованіи Русскою Церковію первыхъ своихъ богослужебныхъ книгъ отъ славянъ болгарскихъ, а затѣмъ о дополнительныхъ ихъ переводахъ прямо съ греческаго въ періодъ князей русскихъ (напр. при Ярославѣ I) мы имѣемъ положительныя свидѣтельства исторіи. Подобное должно сказать и о церковномъ пѣніи. Начатки его у болгарскихъ и моравскихъ славянъ были еще въ IX вѣкѣ при жизни соауныхъ братьевъ свв. Кирилла и Меодія. Св. Кириллъ въ Константинополѣ въ числѣ другихъ наукъ изучалъ и музыку. Въ числѣ книгъ, переведенныхъ свв. Кирилломъ и Меодиємъ съ греческаго на славянскій языкъ, упоминаются: Октоихъ и избранныя церковныя службы. Въ ихъ время нѣкоторыя службы (литургія, заупокойныя службы) совершались между прочимъ и на славянскомъ языкѣ¹⁾. Затѣмъ церковное пѣніе въ X—XI в. вмѣстѣ съ богослужебными книгами и богослужебною практикою передано болгарамъ и Русскою Церквію. По Іоакимовой лѣтописи, при равноано-

¹⁾ „Православное Обзоріе“ 1866 г. статья А. Ражскаго, стр. 49.

столькомъ князь Владиміръ, въ концѣ X вѣка, царь и патріархъ константинопольскіе прислали въ Россію митрополита Михаила — мужа весьма учнаго, болгарина суца, и съ нимъ четыре епископы, и многи іереи, и демественники отъ славянъ¹⁾. Есть извѣстія и о проихожденіи древняго русскаго пѣнія непосредственно отъ грековъ. По свидѣтельству Степенной книги, относящемуся къ половинѣ XI вѣка „ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе начать быти въ русѣй земли отъ трехъ пѣвцовъ греческихъ, прибывшихъ при князѣ Ярославѣ I изъ Царьграда съ роды своими“²⁾. Къ сему же времени относится и начало употребленія въ Россіи нотныхъ знаменъ или крюковъ и первыя нотныя богослужебныя книги³⁾.

Двойное проихожденіе церковнаго пѣнія въ Россіи ясно отразилось прежде всего во внѣшнихъ признакахъ первыхъ ея нотныхъ богослужебныхъ книгъ. Нотныя книги столповаго или знаменнаго пѣнія — Минси, Стихирари — носятъ на себѣ ясныя слѣды славяно-болгарскаго проихожденія. Въ нихъ удержаны нѣкоторыя болгарскія грамматическія формы склоненій и спряженій, а также отчасти и болгарское правописаніе словъ. Книги эти имѣютъ особую систему пѣвческихъ нотныхъ знаменъ⁴⁾, которая затѣмъ утвердившись въ Россіи, осталась неизмѣнною въ своихъ существенныхъ чертахъ во всѣхъ послѣдующихъ рукописяхъ столповаго пѣнія. Въ этой системѣ нѣкоторыя названія крюковыхъ знаковъ — болгарскаго проихожденія (напр. хабува отъ хубово),

¹⁾ Росс. исторія“, Татищева, ч. I. кн. I, стр. 38.

²⁾ Есть и другія извѣстія о прибытіи греческихъ пѣвцовъ въ Россію, наприм. при Аннѣ — супругѣ Владиміра и при в. к. Мстиславѣ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, 50 и т. 11, 14.

³⁾ „Церковное пѣніе въ Россіи“, о. прот. Разумовскаго, стр. 58—59.

⁴⁾ Таковы наприм. Майскія Минси XI в. Новгородской Софійской бібліотеки; Стихирарь Московской Синодальной бібліотеки 1157 г., № 539 и многія другія. См. подробности „Православное Обзорѣніе“ 1866 г. ст. А. Рязскаго, стр. 51—52.

другія переведены съ греческаго, иныя названія чисто славянскія. Самая форма грюковыхъ знаковъ, имѣя въ своемъ основаніи такіе же знаки Греческой Церкви, не обрѣтается въ древнихъ ея книгахъ и очевидно измѣнена въ земляхъ славянскихъ. Славянскій элементъ выражается въ знаменномъ роспѣвѣ и тѣмъ, что гласы въ немъ распредѣляются въ численномъ порядкѣ и не имѣютъ при собѣ древне-греческихъ народныхъ названій (ладъ дорійскій, лидійскій и пр.), каковыя названія у грековъ сохраняются и понынѣ въ учебныхъ пѣвческихъ книгахъ. Отношенія главныхъ гласовъ къ плагальнымъ у грековъ обозначаются также нѣсколько иначе, чѣмъ въ нашемъ знаменномъ роспѣвѣ, именно плагальные гласы у нихъ имѣютъ свой особый счетъ, а гласъ седьмой называется низкимъ (*ζαρός*). Вообще съ примѣненіемъ греческихъ мелодій къ славянскимъ пѣснопѣніямъ, а въ послѣдствіи съ самостоятельнымъ до нѣкоторой степени развитіемъ церковнаго пѣнія въ Россіи, произошли въ немъ нѣкоторыя измѣненія, которыхъ собственно въ византійскомъ осмогласіи и греческой нотациі не послѣдовало ¹⁾.

Единоновременно съ знаменнымъ пѣніемъ существовало въ древней Россіи отъ XI—XIII вѣка пѣніе кондакарное, принесенное непосредственно изъ Греціи греческими пѣвцами. Кондакарныя нотныя рукописи имѣютъ систему нотныхъ знаковъ, совершенно особую отъ знаменной, изобилующую буквенными греческими знаками. Онѣ писаны въ двѣ нотныя строки, изъ коихъ первая содержитъ мелкія ноты, означающія мелодическіе звуки, а вторая — крупныя, соответствующія иныѣшнимъ великимъ знаменіямъ (*μεγάλα σημάδια*) Греческой Церкви, и означающія мелодическое выраженіе. Въ ихъ текстѣ содержатся добавки греческаго происхожденія: апане, неане, пеагіа

¹⁾ О развитіи духовнаго просвѣщенія у дунайскихъ славянъ въ древнее время и о путяхъ, которыми переходили къ намъ ихъ богослужебныя книги см. „Правосл. Обзорніе“ 1866 г. ст. А. Рязскаго, стр. 53—55.

(*ἀναγες, μέγας, νεώτερος*), иногда отрывки древних асметиковъ и другіе признаки непосредственно греческаго происхождения¹⁾. Кондакарное пѣніе не сохранилось въ Греческой Церкви, въ Русской же оно вышло изъ употребленія въ XIV вѣкѣ и нынѣ составляетъ предметъ однихъ археологическихъ изслѣдованій.

Но и столбовое или знаменное пѣніе находится подъ очевиднымъ влияніемъ древняго греческаго пѣнія. Признаками греческаго его происхожденія служатъ: а) двойной текстъ нотныхъ рукописей XI вѣка, именно частью славянской, частью греческой. Оба текста св. пѣснопѣній нерѣдко исполнялись при богослуженіи одновременно²⁾ и иногда имѣли надъ собою одни и тѣ же нотные знаки. б) Греческія названія не только церковныхъ пѣвческихъ книгъ (Огтай, Ирмологъ, Трїодъ), но и различныхъ формъ церковныхъ пѣснопѣній по характеру ихъ содерженія и ритмическаго склада, наприм. ирмосъ, стихира, антифонъ, тропарь, кондакъ и пр., съ текстомъ которыхъ тѣсно была связана ихъ мелодія. в) Нотнобезлицейное обозначеніе мелодій крюками, какъ въ Греческой Церкви. Основныя начертанія крюковыхъ знаковъ несомнѣнно взяты изъ нотациі, встрѣчаемой въ нѣкоторыхъ древне-византійскихъ рукописныхъ тропаряхъ IV, VI и VIII вѣковъ, изобрѣтеніе которой, по общему признанію знатоковъ дѣла, приписывается св. Ефрему Сирину³⁾. г) Названія крюковыхъ знаменъ, изъ коихъ нѣкоторыя буквально греческія, напр. кулизма, (*κόλσμα*), параклитъ, фотиза; иныя же составляютъ буквальный переводъ съ греческаго, напр. запятая, крюкъ, палка, статья,

²⁾ См. тамъ же стр. 292—296, а также „Теорія и практика церковнаго пѣнія“ о. прот. Разумовскаго, стр. 83—84.

¹⁾ Наприм. во времена равноапостольнаго князя Владимира, а въ 1253 г. въ Ростовѣ при блаженномъ Петрѣ, царевичѣ ростовскомъ. Употребленіе въ древней Россіи греческаго текста при богослуженіи поддерживалось самими іерархами, греками по происхожденію, мало знакомыми съ славянскимъ языкомъ и письмомъ. „Церковное пѣніе въ Россіи“, о. прот. Разумовскаго, стр. 62—63.

³⁾ „Гармонизація древне-русскаго церк. пѣнія“, Ю. Арнольда, стр. 28.

крыжъ, рогъ, тряска, сложитіе и др. Самыя названія лицъ (*ὄψοστάσις*) и ѳитъ (*θέρματα, θέσεις*) — греческія.

И такъ несомнѣнно, что не только древнее кондакарное, но и столбовое или знаменное пѣніе, утвердившееся въ Русской Церкви и донынѣ существующее въ ея погныхъ богослужебныхъ книгахъ, имѣетъ свое основаніе въ древневизантійскомъ церковномъ пѣніи, установленномъ и приведенномъ въ систему св. Іоанномъ Дамаскинымъ въ VIII вѣкѣ.

2) На сколько же точно удержаны въ славяно-русскомъ церковномъ пѣніи законы и мелодическія свойства византійскаго церковнаго пѣнія и не потерпѣло ли оно какихъ либо существенныхъ измѣненій въ Греціи или въ Болгаріи до передачи оного Русской Церкви, а затѣмъ и въ самой Россіи въ древнія или позднѣйшія времена, объ этомъ можно судить частію на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, а особенно на основаніи технического построенія нынѣ извѣстнаго намъ знаменнаго распѣва.

Церковное пѣніе, установленное св. Іоанномъ Дамаскинымъ, не могло потерпѣть важныхъ измѣненій въ самой Греческой Церкви до передачи оного церквамъ славянскимъ ибо:

а) Самая близость времени между житіемъ св. Дамаскина — установителя церковныхъ мелодій — и свв. братьевъ солунскихъ — переводчиковъ богослужебныхъ книгъ славянскихъ, а слѣдовательно и первыхъ учредителей церковнаго пѣнія въ славянскихъ земляхъ, — не допускаетъ предположенія о какихъ либо важныхъ измѣненіяхъ церковнаго пѣнія въ этотъ краткій періодъ въ Греческой Церкви. Св. Дамаскинъ скончался въ 777 г., св. Кириллъ родился въ 827 г., Меѳодій же былъ старше своего брата, и слѣдовательно промежутокъ времени между житіемъ св. Дамаскина и житіемъ свв. братьевъ

солупскихъ былъ около 50 лѣтъ¹⁾. Мелодіи византійскаго церковнаго пѣнія такимъ образомъ получили примѣненіе при славянскомъ богослуженіи спустя не болѣе 100 лѣтъ по приведеніи ихъ въ систему св. І. Дамаскинымъ.

б) Въ ближайшее время послѣ Іоанна Дамаскина исторія не указываетъ ни преобразователей церковнаго пѣнія, ни стремленія къ преобразованиямъ. Ибо всякія попытки въ этомъ отношеніи, въ греческой ли, или въ другихъ христіанскихъ церквахъ, не могли быть не замѣчены исторіею и должны были сохраниться въ письменныхъ памятникахъ того времени, которыхъ дошло до насъ достаточное количество.

в) Напротивъ въ первые вѣка по утвержденіи осмогласной системы св. Дамаскина было повсюдное стремленіе церквей не къ измѣненію и преобразованіямъ коренныхъ началъ и мелодій церковнаго пѣнія, а къ усвоенію и распространенію системы Іоанна Дамаскина примѣнительно къ богослужебному тексту мѣстныхъ языковъ не греческой конструкціи.

Византійское церковное пѣніе, несомнѣнно принятое славянскими народами непосредственно отъ грековъ, не могло потерпѣть существеннаго измѣненія въ примѣненіи его къ богослуженію на славянскомъ языкѣ и къ славянскому тексту церковныхъ пѣснопѣній. За точность его ручаются значеніе церковнаго осмогласія при богослуженіи, его тѣсная связь съ церковными пѣснопѣніями и наконецъ самый образъ церковнаго пѣвческаго преданія, именно:

а) Пѣніе св. Іоанна Дамаскина тѣсно связано съ церковнымъ богослуженіемъ, т. е. съ церковнымъ уставомъ и богослужебными книгами, въ которыхъ указаны подробно не только гласы по системѣ Дамаскина, но и

---

¹⁾ „Москвитинъ“ 1843 г., стр. 410.

подобны или образцы для распѣванія разныхъ видовъ пѣснопѣній — стихиръ, тропарей и пр., — вельдствіе чего мелодіи Іоанна Дамаскина и другихъ пѣснопѣвцевъ сдѣлались въ извѣстныхъ случаяхъ обязательными при совершеніи богослуженія.

б) Пѣніе св. Іоанна Дамаскина и другихъ пѣснопѣвцевъ Греческой Церкви тѣсно связано съ объемомъ и размѣромъ выпѣвасмага текста, а также словеснымъ ритмомъ, что труднѣе всего допускаетъ измѣненія. Греческіе пѣснопѣвцы, составляя церковныя пѣснопѣнія, одновременно съ тѣмъ составляли и ихъ мелодіи, и передавали и то и другое церкви безраздѣльно. А потому пѣніе Іоанна Дамаскина и система церковнаго осмогласія не иначе могли быть переданы славянскимъ церквамъ и усвоены послѣдними, какъ въ мелодіяхъ церковныхъ пѣснопѣній, а не въ видѣ ученой музыкальной теоріи, могущей имѣть разнообразныя приложенія.

в) Церковное пѣніе передано св. Іоанномъ Дамаскинскимъ нотной письменности по извѣстной системѣ крюковыхъ знаковъ, что еще болѣе упрочивало его систему и мелодіи, предупреждая измѣненія и искаженія. Оно такимъ образомъ могло всегда служить образцомъ для распѣванія новыхъ пѣснопѣній, равно какъ для повѣрки и исправленія составленныхъ уже мелодій. Письменный Октоихъ съ нотными знаменами подъ именемъ Іоанна Дамаскина сохранился и донынѣ въ Греческой Церкви и могъ бы служить для повѣрки древнихъ церковныхъ папѣвовъ, еслибы нашлся вѣрный ключъ къ разумѣнію нотныхъ знаменъ того времени.

г) Въ частности св. Кирилль, — первый учредитель церковнаго пѣнія въ славянскихъ земляхъ, — имѣлъ музыкальное образованіе именно византійское и не могъ допустить въ церковныхъ мелодіяхъ произвольныхъ измѣненій, несообразныхъ съ музыкальною системою, принятою въ богослужебной практикѣ Греческой Церкви. Послѣ-

дующіе же за нимъ перелататели церковныхъ пѣснопѣій должны были послѣдовать его примѣру.

д) Задачею свв. Кирилла и Меѳодія, а равно и другихъ переводчиковъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, была возможно точная передача не только мысли, но и оборотовъ рѣчи подлиннаго греческаго текста. Это доказываютъ греческая конструкция славянскаго богослужебнаго текста и даже очертанія славянскихъ буквъ, служащихъ почти точнымъ повтореніемъ буквъ греческихъ. Подобную конечно задачу имѣли они и въ примѣненіи греческихъ мелодій къ тексту славянскихъ пѣснопѣій.

е) Наконецъ какъ первая славянскія богослужебныя книги получены Русскою Церковію чрезъ посредство и при содѣйствіи греческой іерархіи ¹⁾, и потому конечно въ исправнѣйшихъ образцахъ и, такъ сказать, за ручательствомъ Греческой Церкви, такъ и ближайшіе ихъ списки въ Россіи производились подъ наблюденіемъ той же іерархіи. Церковные пѣвцы, изъ какой бы націи ни происходили, присылаемы были въ Россію Греческою Церковію и слѣдовательно свѣдущіе именно въ византійскомъ церковномъ пѣніи. Вообще славянское церковное пѣніе, какъ и славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ, введены въ Россію при непосредственномъ наблюденіи греческой іерархіи, которой тогда была подчинена христіанская Россія, и потому должно быть близко къ византійскому церковному пѣнію того времени; ибо не можетъ быть, чтобы греческая церковная власть и избранные ею пѣвцы вводили въ богослужебную практику Русской Церкви чуждые имъ церковные напѣвы.

Древнее наше столповое церковное пѣніе не могло быть изобрѣтено въ Россіи, не могло потерпѣть въ ней

---

¹⁾ Первая нотная книга принесена въ Россію при св. Владимірѣ изъ Херсонеса Таврическаго. Тождественныхъ съ ними по криволинейнымъ знаменамъ книгъ не сохранилось ни въ Болгаріи, ни въ Греціи и только въ вѣонскихъ монастыряхъ открыты слѣды подобныхъ нотныхъ знаменъ и мелодій. „Церковн. пѣніе въ Россіи“, стр. 156.

и существенныхъ измѣненій ни въ періодъ его распространенія и утвержденія въ Россіи, ни въ періодъ процвѣтанія, ни даже въ періодъ его упадка и совмѣщенія съ россами позднѣйшаго происхожденія.

Въ періодъ распространенія и утвержденія въ Россіи знаменнаго пѣнія русскіе не имѣли ни нужды, ни возможности, ни стремленій къ преобразованію полученныхъ ими богослужебныхъ пѣвцовъ, къ введенію новыхъ напѣвовъ или къ смѣшенію принятыхъ со своимп. И

а) они въ церковныхъ напѣвахъ получили отъ грековъ музыкальную систему, разработанную научнымъ образомъ въ просвѣщеннѣйшей въ то время странѣ, разливавшей свѣтъ наукъ на весь тогдашній міръ, и не только систему, но и готовыя, художественнымъ образомъ разработанныя и развитыя мелодіи, пригомъ примѣненныя уже къ славянскому богослужебному тексту. Мелодіи эти были совершенно достаточны для отправленія всякаго рода богослуженія, а съ другой стороны вполне удовлетворяли эстетическому и религіозному чувству новыхъ христіанъ. Русскіе восхищались пѣніемъ присылаемыхъ къ нимъ церковныхъ пѣвцовъ, называя его ангельскимъ, и не могли желать ничего лучшаго.

б) Съ введеніемъ христіанства въ образованныхъ странахъ (напр. въ Греціи) христіанскіе напѣвы обыкновенно смѣшиваются съ привычными народу мѣстными напѣвами, или получаютъ измѣненія сообразно сложившимся исторически народнымъ вкусамъ и обычаямъ. Ничего подобнаго не было въ Россіи. Русскіе славяне до принатія христіанства не имѣли своихъ религіозныхъ напѣвовъ, ни техническихъ познаній въ области искусства пѣнія, а потому въ первое время по принатіи ими христіанства не могли имѣть вліянія на измѣненіе полученныхъ ими византійскихъ напѣвовъ, а затѣмъ не имѣли и времени къ самостоятельной ихъ разработкѣ. Правильное сочетаніе мелодій и даже вѣрное ихъ по системѣ осмогласія нотированіе есть дѣло свѣдущихъ и опытныхъ

теоретически пѣвцовъ, каковыхъ не могло быть въ Россіи въ первые вѣка ея христіанства какъ по степени образованія русскихъ вообще, такъ особенно въ музыкальномъ отношеніи. Къ тому же и богослуженіе Русской Церкви представляло тогда только начатки, дополняемые впоследствии готовыми обрядами, богослужебными книгами и пѣснопѣніями Греческой Церкви, а потому и вниманіе и силы церковныхъ дѣятелей и трудолюбцевъ должны были быть обращены тогда не на преобразование церковнаго пѣнія или составленіе новыхъ мелодій, а на переводы богослужебныхъ книгъ, умноженіе нотныхъ и ненотныхъ рукописей чрезъ ихъ переписку и развѣ еще на примѣненіе готовыхъ мелодій къ пераспѣтымъ пѣснопѣніямъ.

в) Русская Церковь въ началѣ долгое время (до половины XV в.) находилась подъ управленіемъ Церкви Греческой и подъ непосредственнымъ руководствомъ ея пастырей и вообще имѣла съ нею постоянныя сношенія. Затѣмъ русскіе пастыри, питая благоговѣйное уваженіе къ Церкви Греческой, постоянно обращались къ ея пастырямъ за рѣшеніемъ разныхъ, касающихся церковной практики, вопросовъ и не предпринимали никакихъ начинаній безъ вѣдома и согласія константинопольскаго патріарха или собора восточныхъ святителей ¹⁾. Греческія церковно-богослужебныя книги были образцами для исправленія богослужебныхъ чиновъ, обрядовъ и книгъ Русской Церкви ²⁾. Поэтому и церковное пѣніе Греческой Церкви было предметомъ подражанія и тщательнаго храненія для пѣвцовъ и мастеровъ пѣнія Русской Церкви. Нотныя церковныя книги увеличивались въ объемъ и

¹⁾ Такъ въ 1301 г. обращался къ Греческой Церкви съ разными обрядовыми вопросами митр. Осогностъ. На авторитетъ Греческой Церкви ссылались даже защитники двуперстнаго крестнаго знаменія и сугубаго аллелуіа (см. житіе Евфросіна Псковскаго).

²⁾ Къ греческимъ богослужебнымъ книгамъ обращались наприм. митр. Алексій, Кириіанъ и др.

количествѣ, но неизмѣнно наполнялись мелодіями, составленными по системѣ византійскаго церковнаго осмогласія. Къ церковному пѣнію примѣнялись украшенія (ѳитныя мелодіи), но они составлены по образцамъ XI—XIII вѣка константинопольской Церкви (кратимата). Церковныя мелодіи греко-славянскаго происхожденія считались въ Россіи непркосновенными, и имъ пѣвцы жертвовали даже правильнымъ произношеніемъ священнаго славянскаго текста пѣснопѣній (хомонія). Вообще тогда въ Россіи не было иныхъ идеаловъ по церковному пѣнію, кромѣ пѣнія, установленнаго константинопольскою Церковію.

Въ періодъ процвѣтанія и наиболѣе самостоятельнаго развитія церковнаго знаменнаго пѣнія въ Россіи, падающій преимущественно на конецъ XVI и начало XVII вѣка, труды пѣвцовъ были многочисленны и разнообразны. Въ это время увеличилось до обширныхъ размѣровъ количество распѣтыхъ пѣснопѣній, явились вновь цѣлыя пѣвческіе сборники; но труды новыхъ пѣснорачителей и знаменотворцевъ не были вполнѣ самостоятельны, ибо состояли не въ изобрѣтеніи новыхъ мелодій, но главнымъ образомъ въ примѣненіи готовыхъ гласовыхъ мелодій къ новому тексту пѣснопѣній и частію въ развитіи, или сокращеніи, или варіированіи ихъ съ соблюденіемъ основаній и коренныхъ свойствъ того же распѣва. Даже новые по названіямъ распѣвы, образовавшіеся около этого времени (напр. малый знаменный распѣвъ и др.), суть не что иное, какъ видоизмѣненія того же стараго знаменнаго распѣва. При томъ всѣ они имѣли свои надписанія, отличавшія ихъ отъ кореннаго столповаго распѣва. Распѣвы же наиболѣе удаленные отъ него носили названіе „произволь“. Пѣвческая дѣятельность дидаскаловъ того времени выразилась между прочимъ умноженіемъ пѣвческихъ школъ и частію учебною разработкою крюковаго церковнаго пѣнія, а также нѣкоторымъ расширеніемъ семейографической области, напр. выдѣленіемъ крюковыхъ же — демественнаго и казанскаго знамени, вве-

деніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ крюковъ и наконецъ киноварныхъ помѣтъ въ самомъ столповомъ пѣніи. При всемъ томъ знаменый роспѣвъ не потерялъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Причиной того была частію привязанность русскихъ того времени къ привычной обрядности и буквѣ писанія, засвидѣтельствованная многочисленными историческими фактами, но особенно свойства крюковаго знамени. „Крюковая нотация¹⁾, кромѣ означенія голосовыхъ движеній по ритму и относительной высотѣ и длительности звуковъ, еще выражаетъ вполне точно и въ высшей степени наглядно внутреннія основанія построеній напѣва, отдѣльныя „попѣвки“, періоды мелодій и даже своеобразныя отгѣпки исполненія“... При такой тѣсной связи мелодики, ритмики и выраженія „музыкальная (крюковая) редакція отличается замѣчательною устойчивостью и въ исполненіи, и въ письменномъ изложеніи. Пѣвческіе рукописи безусловно доказываютъ, что знаменый роспѣвъ съ давнихъ поръ и до сего времени сохранился безъ измѣненій въ своихъ основаніяхъ, но съ постояннымъ прогрессомъ въ средствахъ своего выраженія“. По засвидѣтельствуванію о. прот. Д. В. Раау-мовскаго, основныя черты безлинейныхъ нотныхъ знаковъ въ знаменныхъ рукописяхъ, употреблявшихся въ разныя вѣка въ Русской Церкви, одинъ и тѣ же. Далѣе, одинъ и тотъ же слогъ извѣстнаго церковнаго пѣснопѣнія въ рукописяхъ разныхъ почерковъ большею частію властно удерживаетъ надъ собою одну и ту же безлинейную ноту. Наконецъ, найдутся даже цѣлыя реченія, надъ которыми въ знаменныхъ нотныхъ книгахъ послѣдняго почерка стоятъ тѣ же самыя ноты, какія положены надъ сими реченіями въ первыхъ пергаменныхъ нотныхъ книгахъ стараго почерка знаменныхъ нотъ. Сходныя же по на-

¹⁾ По засвидѣтельствуванію Г. Смоленскаго, см. „Православн. Собесѣд.“ 1884 г. Февраль, стр. 242—243. См. тамъ же выдержки изъ „азбуки пѣвчей“ А. Мезенца, стр. 249.

чертацію знамена, когда бы ни употреблялись въ Русской Церкви, всегда неизмѣнно сохраняли свое пѣвческое значеніе ¹⁾. Даже болѣе того, чрезмѣрное береженіе старой ноты, по перерожденіи уже формъ языка, въ періодъ XV—XVII вѣка служило въ ущербъ правильности произношенія текста пѣсенной и привело наконецъ къ крайнему развитію раздѣльнорѣчія или хомоніи. „Пѣніемъ нашимъ, говоритъ, обличая хомонію, инокъ Евфросинъ (1657 г.), точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а священныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ, письменныхъ и новыхъ книгъ ²⁾“.

За крайнимъ развитіемъ формъ знаменнаго распѣва послѣдовалъ его упадокъ, обнаружившійся крайнимъ развитіемъ раздѣльнорѣчія, разнообразіемъ напѣвовъ и мелодическихъ подробностей однихъ и тѣхъ же мелодій въ разныхъ рукописяхъ ³⁾, трудностію изученія разнообразныхъ крюковыхъ знаменъ. Эти недостатки церковнаго пѣнія во второй половинѣ XVII вѣка вызвали мѣры духовнаго правительства къ исправленію текста нотныхъ книгъ, къ сокращенію пѣвческаго матеріала, къ однообразному изложенію тождественныхъ мелодій, къ упрощенію системы нотныхъ знаковъ ⁴⁾. Мѣры эти окончательно пришли въ исполненіе въ 1772 году, когда наконецъ по благословенію Св. Синода были напечатаны нотныя богослужебныя книги на пятилинейной системѣ,

---

¹⁾ „Церковное пѣніе въ Россіи“, стр. 171—172.

²⁾ Тамъ же, стр. 76.

³⁾ По иноку Евфросину „словеса на хомоніи пѣваемая“ были напр. слѣдующія: „сопасо (сласть), пожару (пожру), во мопѣ (во мпѣ), воасмо (власто), иземи (изми), людеми (людьми), сопедай (спѣдай), волуче (внуче)“. „Церковное пѣніе въ Россіи“, стр. 76. О изобиліи распѣвовъ этого времени и разнообразіи напѣвовъ по именамъ мастеровъ церковнаго пѣнія см. тамъ же, стр. 162—165 и др.

⁴⁾ О двухъ комиссіяхъ для исправленія пѣвческихъ книгъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и трудахъ старца Александра Меленца см. тамъ же, стр. 78—80 и „Теорія и практика церковнаго пѣнія“, о. прот. Рязумовскаго, стр. 50—52.

совмѣщавшія знаменный распѣвъ съ болгарскимъ, греческимъ, кievскимъ, и частью иными. Однако же знаменный распѣвъ и въ періодъ его упадка, и въ періодъ позднѣйшихъ исправленій и совмѣщенія его съ относительно новыми распѣвами не потерпѣлъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Доказательствами тому служатъ: 1) разсмотрѣніе технического построения мелодій знаменнаго распѣва, 2) сличеніе мелодій, изложенныхъ пятилинейною системою нотации, съ такими же мелодіями, находящимися въ круговыхъ нотныхъ рукописяхъ.

1) По тщательномъ изслѣдованіи современныхъ намъ музыкальныхъ теоретиковъ ¹⁾ оказывается, что распѣвъ, дошедшій до насъ подъ именемъ столповаго или знаменнаго, по своему техническому построению вполне и въ точности соотвѣтствуетъ византійской теоріи церковнаго пѣнія. Именно:

а) мелодіи знаменнаго распѣва имѣютъ расположеніе интервалловъ, принятое въ такъ называемой образцовой или неизмѣняемой лѣствицѣ византійскихъ музыкологовъ, и въ общемъ имѣютъ ни болѣе, ни менѣе звуковъ, сколько заключаетъ и она.

б) Онѣ нотируются исключительно въ лидійской или гиполидійской тональностяхъ, установленныхъ окончательно для церковнаго пѣнія въ VIII вѣкѣ св. Іоанномъ Дамаскинскимъ. Измѣненія по высотѣ нотнаго положенія, допускаемыя въ печатныхъ изданіяхъ для удобства голосовъ, происходятъ обыкновенно на разстояніи крарты или тетрахорда, т. е. также въ характерѣ византійской музыкальной системы.

в) Въ знаменномъ распѣвѣ мы видимъ ту же классификацію мелодій по законамъ церковнаго осмогласія, какая существуетъ и въ византійской музыкальной теоріи, причемъ въ богослужебныхъ нотныхъ книгахъ пѣснопѣніи по

---

¹⁾ „Гармонизація древне-русскаго церковнаго пѣнія“, Ю. Ариольта М. 1886 г.

гласамъ распредѣлены въ точности сообразно указаніямъ церковнаго Устава или, что то же, указаніямъ св. Іоанна Дамаскина. Особенно же замѣчательно въ нашихъ нотныхъ книгахъ соотвѣтствіе нѣкоторыхъ пѣснопѣній указаніямъ греческихъ богослужебныхъ книгъ относительно распѣванія ихъ по частямъ на нѣсколько гласовъ. Указанія эти выполнены въ знаменныхъ мелодіяхъ этихъ пѣснопѣній, хотя въ текстѣ славянскихъ богослужебныхъ книгъ не встрѣчаются и въ нотныхъ книгахъ не обозначены особыми отмѣтками.

г) Церковные гласы знаменнаго распѣва имѣютъ въ своемъ основаніи тотъ же объемъ пентахордовъ, расположенныхъ на тѣхъ же ступеняхъ высоты и съ тѣмъ же послѣдованіемъ интервалловъ, какіе должны быть по теоріи византійскаго осмогласія. Уклоненія и ошибки нѣкоторыхъ нотныхъ нашихъ книгъ въ этомъ отношеніи не многочисленны и удобоисправимы по другимъ болѣе древнимъ и вѣрнымъ спискамъ.

д) Какъ въ византійской теоріи музыки, такъ и въ знаменномъ распѣвѣ основаніемъ всего мелодическаго строя служатъ одни и тѣ же три главныя тетра хорда: дорійскій, фригійскій и лидійскій, изъ которыхъ фригійскій, „какъ не истекающій непосредственно изъ акустическихъ данныхъ, а искусственно выведенный, составляетъ исключительное свойство древне-эллицкой музыкальной системы и всѣхъ тѣхъ только мелодій, которыя создавались на основаніи ея¹⁾“.

е) „Разбирая научно строй, обороты, нотное содержаніе и окончанія мелодій знаменнаго пѣнія, говоритъ Ю. Арнольдъ, нельзя не убѣдиться, что, — за самымъ незначительнымъ разлѣ числомъ исключеній, — все это вполне соотвѣтствуетъ вышеизложеннымъ правиламъ византійской мелодіи, аналитически выведеннымъ

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

изъ древнихъ трактатовъ и изъ сравненія оныхъ съ акустическими фактами 1)“.

ж) Знаменный распѣвъ не только по строю, по общимъ свойствамъ и характеру мелодическаго движенія сходенъ съ древнимъ византійскимъ, но и въ такихъ частныхъ мелодическихъ свойствахъ, которыя не могутъ быть опредѣлены теоріею, но устанавливаются исключительно практическимъ обычаемъ. Таковы частныя формы мелодическихъ оборотовъ и украшеній 2), особенно же украсительныя мелодическія строки, именуемыя ѳигурами лицами, а также добавочныя слоги въ текстѣ пѣснопѣній, аяане, териремъ, еайни и др. Эти неизвѣстныя западной Европѣ мелодическія частности, служащія выраженіемъ греческаго національнаго музыкальнаго вкуса, не иначе могли появиться въ знаменномъ распѣвѣ, какъ только чрезъ точное и подробное усвоеніе русскими пѣвцами византійскихъ церковныхъ мелодій, а не въ главныхъ только и общихъ чертахъ. Ибо церковное пѣніе могло удерживать византійскій характеръ и строй и безъ этихъ мелодическихъ частности, какъ оно удерживаетъ ихъ въ неукрашенныхъ мелодіяхъ и при сокращенномъ исполненіи того же знаменнаго распѣва, а также въ гармоническихъ переложеніяхъ съ украшеніями свойственными музыкальнымъ вкусамъ позднѣйшаго времени.

з) Упомянемъ, наконецъ, о нѣкоторыхъ частныхъ также свойствахъ знаменнаго распѣва, указывающихъ на глубокую древность и именно греческое происхожденіе его мелодій. Это, во первыхъ, запѣвы въ мелодіяхъ. Они свойственны только первобытному народному мелодическому пѣнію безъ правильной хоровой организаціи поющихъ и безъ сопровожденія музыкальными инструментами. Запѣвало (головщикъ) одинъ начинаетъ пѣніе, показывая чрезъ то прочимъ пѣвцамъ время начинанія пѣнія, высоту

1) Тамъ же.

2) См. виды движенія мелодія и мелодическія украшенія.

тона, напѣвъ, характеръ и темпъ мелодіи. При сопровожденіи пѣнія инструментами и при правильномъ устройствѣ хоровъ мелодическіе запѣвы въ вышесказанномъ смыслѣ не уместны и вышли изъ употребленія, бывъ замѣнены инструментальными интродукціями (напр. органа) и приѣмами, свойственными регентамъ хоровъ. Затѣмъ, всматриваясь ближе въ мелодическія формы и составъ отдѣльныхъ краткихъ мелодій знаменнаго распѣва, разлагая ихъ на части и члены, изъ которыхъ онѣ состоятъ, въ ихъ конструкціи мы замѣчаемъ то же обиліе и разнообразіе формъ, какъ и въ греческихъ реченіяхъ и оборотахъ рѣчи, подчиненныя однако извѣстнымъ правиламъ: видимъ тѣ же приставки въ началѣ и концѣ мелодическихъ основъ, которыя свойственны особенно греческимъ реченіямъ, тѣ же соединительные звуки и т. п. Среди мелодическихъ строкъ иногда встрѣчаются формы, напоминающія этероклисію (разпосклоненіе), сліяніе основъ и отдѣльныя формы (оригинальныя), отмѣченныя въ греческихъ грамматикахъ, какъ особенности греческаго языка, основанныя на греческой фонетикѣ. Наконецъ, въ послѣдовательности мелодическихъ строкъ знаменнаго распѣва, основанной на словесномъ ритмѣ пѣсеннопѣній, ясно выступаютъ черты еще болѣе древняго словеснаго искусства, это — библейскій параллелизмъ текста.

Но говоря о принадлежности столповаго нашего пѣнія къ древнѣйшимъ напѣвамъ христіанской церкви, мы разумѣемъ не всѣ его мелодіи безъ исключенія, а только наибольшую ихъ часть, потому что среди ихъ встрѣчаются и такія, которыя менѣе древни по своему происхожденію, не выдерживаютъ въ точности строя и характера образцовыхъ по системѣ осмогласія мелодій и составляютъ въ своемъ складѣ и ладѣ отступленія отъ строгаго стиля первобытнаго осмогласія, хотя

---

¹⁾ См. „Гармонизація древне-русскаго церковнаго пѣнія“. Ю. Арнольда, стр. 180.

виждутся также на началахъ теоріи древней церковной музыки. Дѣйствительными образцами первобытнаго осмогласнаго церковнаго пѣнія должны быть признаваемы тѣ мелодіи, которыя

а) въ точности соотвѣтствуютъ византійской теоріи церковной музыки не только въ ладахъ и объемѣ звуковъ, но и въ главныхъ примѣтахъ или особенностяхъ каждаго гласа, т. е. въ установленныхъ практикою господствующихъ и окончательныхъ звукахъ мелодіи. Точное соотвѣтствіе мелодій въ этихъ признакахъ древне-византійскимъ служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ того, что онѣ составлены не на основаніи только теоріи или по подражанію, но заимствованы въ цѣлости путемъ практическимъ. Напѣвы же, составленные по подражанію и только на основаніи древнихъ мелодій, этихъ признаковъ не имѣютъ (напр. роспѣвъ кievскій).

б) Еще болѣе тѣ мелодіи, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ господствующими и характеристическими въ томъ или другомъ гласѣ, т. е. чаще другихъ повторяются, удваиваются и сообщаютъ гласовому напѣву извѣстный только ему свойственный колоритъ. Таковы господствующія въ каждомъ гласѣ мелодическія строки, — начинательныя ли то, кулизмы или конечныя; ибо съ измѣненіемъ ихъ, или даже только съ уменьшеніемъ ихъ количества въ гласовыхъ мелодіяхъ напѣвъ гласа становится неопредѣленнымъ въ своемъ частномъ характерѣ. На этомъ основаніи образцовыми должно признать воскресныя стихиры Октоиха, но не воскресныя и праздничныя ирмосы и особенно не ирмосы V гласа, изобилующіе общими разнымъ гласамъ строками. На этомъ же основаніи нельзя признать образцовыми нѣкоторыхъ праздничныхъ стихиръ, которыя, будучи переполнены украшительными строками, почти утратили господствующія характеристическія строки своего гласа, а нѣкоторыя изъ нихъ прямо надписаны словами „инъ роспѣвъ, инъ

переводъ⁶, или даже (въ старыхъ рукописяхъ) словомъ „произволь“.

в) Паконецъ, несомнѣнно византійскаго происхожденія тѣ мелодіи, которыя удержали частныя особенности мелодическаго движенія древняго церковнаго пѣнія и частныя виды украшеній, такъ наглядно для всякаго характеризующіе знаменный распѣвъ и отличающіе его отъ всякаго другаго распѣва, напр. кулизмы, колебаніе ломаное, раздробленіе ноты по разнымъ слогамъ текста и. т. п., тѣсно соединенныя съ построеніемъ самыхъ мелодій. Ѣтныя лица также составляютъ исключительную принадлежность одного знаменнаго распѣва, но присутствіе ихъ въ ряду мелодическихъ строкъ извѣстнаго пѣснопѣнія не служитъ несомнѣннымъ признакомъ древности его распѣва, равно какъ и отсутствіе ихъ — признакомъ поздняго его происхожденія; ибо Ѣтныя лица, какъ мелодическія украшенія, по произволу могутъ быть вводимы въ мелодію пѣснопѣнія, но могутъ быть и сокращаемы, или даже выпускаемы.

2) Употребляемая нынѣ въ Русской Православной Церкви богослужебныя нотныя книги напечатаны по благословенію Св. Синода на пятилинейной нотной системѣ въ 1772 г. съ рукописей, исправленныхъ синодальными иподіаконами и пѣвчими¹⁾, и за тѣмъ продолжаютъ печататься безъ всякихъ измѣненій донынѣ. Изъ этихъ книгъ Октоихъ, Ирмологій и Праздники содержатъ почти исключительно распѣвы знаменнаго распѣва, въ Обиходѣ же знаменный распѣвъ совмѣщается съ распѣвами греческимъ, болгарскимъ, кievскимъ и частію иными, хотя и не приравнивается къ нимъ по своему достоинству, такъ какъ мелодіи его преобладаютъ надъ мелодіями каждаго изъ этихъ распѣвовъ въ отдѣльности и по порядку изло-

¹⁾ Подробности объ изданіи печатныхъ нотныхъ книгъ въ 1772 г. см. въ „Правосл. Обзорѣнїи“ 1864 г. „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“, П. А. Безсонова.

жесія занимають между ними первое мѣсто. Но и въ этой послѣдней редакціи, не смотря на измѣненіе нотной системы, столповой или знаменный распѣвъ не потерпѣлъ никакихъ существенныхъ измѣненій. И

1) Тожество мелодій знаменнаго распѣва, находящихся въ линейныхъ изданіяхъ съ 1772 г. и въ безлинейныхъ крюковыхъ рукописяхъ, признается всеми изслѣдователями древне-русскаго церковнаго пѣнія. Приводимъ для примѣра отзывъ извѣстнаго знатока церковнаго пѣнія Н. М. Потулова въ письмѣ къ П. А. Безсонову о синодальномъ изданіи нотныхъ нашихъ книгъ въ 1772 г., отзывъ, который по словамъ самаго автора, „есть плодъ многолѣтняго практическаго изученія нашего церковнаго пѣнія 1)“.

„Книги изданія 1772 г., пишетъ Н. М. Потуловъ, т. е. Обиходъ, Октоихъ, Ирмологій и Праздники суть дѣйствительно то, чѣмъ не можеть похвалиться ни одинъ изъ европейскихъ народовъ: это есть дѣйствительно высокое, неоцѣненное сокровище во всѣхъ смыслахъ, какъ духовномъ, историческомъ, такъ и художественномъ“.

„По разнымъ обстоятельствамъ жизни моей, я не имѣлъ возможности изучать церковное пѣніе исторически, по рукописямъ и другимъ памятникамъ древности; я долженъ былъ избрать путь иной — путь практики и опыта. Не разъ съ драгоценными книгами (изд. 1772 г.) въ рукахъ отпраплялся я на богослуженіе въ нашъ Успенскій соборъ (въ Москвѣ), когда тамъ исполнялось пѣніе такъ называемое „столповое“. Нота за нотой слѣдилъ я за этимъ унисоннымъ пѣніемъ божественной литургіи, стихирь, антифоновъ и т. п., и свѣрялъ его съ нотой церковною. Не разъ присутствовалъ я при службахъ старообрядцевъ разныхъ согласій, не признающихъ крюковаго пѣнія позднѣе времени царя Алексѣя Михайло-

2) Тамъ же, стр. 14—116, примѣчаніе.

вича; посѣщаль службы церквей единовѣрческихъ, гдѣ допускаются крюки временъ позднѣйшихъ. Съ опытными головщиками старообрядцами, съ причетниками единовѣрческихъ церквей и другими знатоками крюковаго пѣнія спѣвалъ я и нашу церковную ноту; это дѣлалось такъ: головщикъ, причетникъ или знатокъ пѣли по крюку, а я то же пѣснопѣніе по церковной нотѣ. И всѣ эти практическія повѣрки привели меня къ тому же заключенію: что изданіе 1772 года сохранило намъ въ чистотѣ наше древнѣйшее церковное пѣніе“.

2) Знаменный распѣвъ, по изложенію его въ печатныхъ нотныхъ книгахъ 1772 г., сохраняетъ всѣ тѣ признаки византійскаго происхожденія, какіе имѣетъ онъ и по крюковымъ нотнымъ рукописямъ т.е имѣетъ расположеніе интервалловъ неизмѣняемой лѣствицы древнихъ грековъ, нотируется только въ двухъ тональностяхъ — лидійской и гиполидійской съ исключеніемъ прочихъ, въ распредѣленіи напѣвовъ церковныхъ пѣснопѣній сѣдуетъ системѣ византійскаго церковнаго осмогласія и указаніямъ церковнаго Устава и богослужебныхъ книгъ, причемъ сохраняетъ византійскую систему пентахордовъ съ свойственнымъ ей расположеніемъ интервалловъ, имѣетъ тѣ же или соотвѣтственные имъ господствующіе и конечные звуки гласовъ, допускаетъ тотъ же переносъ мелодій изъ одного гласа въ другой, сохраняетъ тѣ же частныя формы мелодическаго движенія и всѣ тѣ же частныя признаки, которые характеризуютъ построеніе или послѣдовательность мелодическихъ строкъ знаменнаго распѣва по крюковымъ рукописямъ.

3) Въ частности въ печатныхъ нотныхъ книгахъ мы находимъ буквально всѣ тѣ же мелодическія гласовыя строки и ѳитныя мелодіи, какія имѣются въ крюковыхъ рукописяхъ, и столько же по количеству. Строки эти имѣютъ ту же классификацію по видамъ пѣснопѣній (примолойныя, октайныя, праздничныя), по мѣсту въ пѣснопѣніяхъ (начинательныя, среднія, кулизмы и конечныя) и

въ своихъ образцахъ совершенно тождественны по формѣ. Въ строкахъ этихъ мы видимъ наконецъ совершенно тѣ же способы и приемы распространенія, развитія и сокращенія, и тѣ же частныя мелодическіе обороты, которые отличаютъ одну строку отъ другой. Вообще все нотное изложеніе тѣхъ и другихъ нотныхъ книгъ, кромѣ незначительныхъ частныхъ, до того сходно, что „искусныя пѣвцы, по словамъ о. прот. Д. В. Разумовскаго, поставленные одни — при крюковыхъ, а другіе — при нотнo-линейныхъ книгахъ, могутъ исполнить извѣстную церковную пѣснь съ очень замѣчательнымъ единствомъ. Сознать это современные любители знаменнаго безлинейнаго пѣнія и не чуждаются посему нотнo-линейныхъ знаковъ¹⁾“. Такимъ образомъ въ печатныхъ нотныхъ изданіяхъ 1772 г. мы видимъ одно изъ ближайшихъ переложеній знаменнаго роствѣва съ крюковыхъ знаковъ на линейныя, каковыя переложенія въ двустрочныхъ — безлинейно-линейныхъ рукописяхъ — распространены были въ Россіи, по установленіи новаго истиннорѣчія, во второй половинѣ XVII вѣка и которыя частію употребляются и донынѣ любителями древняго церковнаго пѣнія.

Разности линейныхъ нотныхъ изданій сравнительно съ безлинейными главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ печатныхъ нотныхъ книгахъ текстъ священныхъ пѣснопѣній излагается въ его исправленномъ во времена патр. Никона видѣ согласно съ богослужебными не нотными книгами и только съ опущеніемъ строчныхъ и и надстрочныхъ знаковъ, которые въ пѣвческихъ книгахъ

---

¹⁾ Единица, цами и нѣкоторыми старообрядцами принимаются на практикѣ какъ исправленія нотнo-богослужебныхъ книгъ сдѣланныя комиссіею Александра Мезенца послѣ собора 1667 г., такъ и безлинейно-линейныя нотныя книги, но только съ Іосифовскими текстами. „Церковное пѣніе въ Россіи“, стр. 170 и 172. См. также „Православный Собесѣдникъ“, 1887 г. „Общій очеркъ историческаго и музыкальнаго значенія пѣвческихъ рукописей Солов. библіотеки“... Ст. Смоленскаго, стр. 242, п. 2.

знаменнаго роспѣва и не необходимы, ибо одни изъ нихъ (ударенія и знаки препинанія) ясно выражаются самымъ движеніемъ мелодій, основаннымъ на словесномъ ритмѣ, другіе же (придыханія) при пѣніи не имѣютъ значенія. Отсутствие этихъ знаковъ въ нотныхъ книгахъ, а также и словораздѣленія живо напоминаетъ Евѣаліево изложеніе новозавѣтнаго текста для церковнаго чтенія. Въ печатныхъ изданіяхъ 1772 г. удалены изъ текста: раздѣльно-рѣчное его произношеніе, многократныя повторенія буквъ гласныхъ, а также и слова, не относящіяся къ тексту (попѣвки: териремъ, еайни, хабува и др.), уже въ XVII вѣкѣ вызвавшія порицанія хомовому пѣнію. Между тѣмъ какъ недостатки эти удерживаются и донныи у нѣкоторыхъ приверженцевъ старообрядства (напр. у безпоповцевъ).

б) Въ печатныхъ нотныхъ изданіяхъ 1772 г. сокращень пѣвческій матеріаль, накопившійся кѣками въ Русской Церкви. Выпущены въ нихъ все пѣснопѣнія мѣстно чтимымъ праздникамъ, а также въ честь Святыхъ. Въ нихъ содержатся только пѣснопѣны, необходимыя для отправления годичнаго круга богослуженій (Обиходъ), а также въ частности прмосы (Ирмологій), стихиры воскресны (Октоихъ) и стихиры дванадцатымъ праздникамъ (Праздники). Въ мелодическомъ отношеніи не вошли въ составъ печатныхъ книгъ роспѣвы, написанные по мѣстному ихъ происхожденію, или по именамъ извѣстныхъ мастеровъ церковнаго пѣнія, такъ какъ роспѣвы эти не были во всеобщемъ употребленіи въ Русской Церкви и, какъ производные, не могли удерживать въ точности древнихъ мелодическихъ свойствъ знаменнаго роспѣва. Не вошли въ нихъ и мелодіи роспѣвовъ употребительныхъ въ XVII вѣкѣ, но несродныхъ столповому пѣнію. Но взамѣстъ ихъ внесены (въ нотный Обиходъ) роспѣвы: греческій и кіевскій, ставшіе во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вв. общеупотребительными въ практикѣ Русской Церкви, а также

отдѣльные образцы болгарскаго распѣва и немногихъ другихъ (знаменнаго путеваго, Герасимовскаго).

в) Въ печатныхъ нотныхъ книгахъ мелодіи знаменнаго распѣва примѣнены къ исправленному тексту четыхъ т, е. нотныхъ богослужебныхъ книгъ, при чемъ возстановленъ и правильный словесный ритмъ относительно просодическихъ удареній, во многихъ мѣстахъ нарушенный прежде раздѣльнорѣчными произвоженіемъ словъ¹⁾. Примѣненіе это и возстановленіе ритма съ технической стороны должно было сопровождаться въ мелодіяхъ прибавкою дополнительныхъ нотъ, или же выпускомъ ихъ по требованію количества слоговъ и словъ текста, а также нѣкоторыми измѣненіями сообразно силѣ и значенію просодическихъ удареній рѣчи т. е. измѣненіями сильныхъ и слабыхъ временъ. Но это примѣненіе мелодическихъ строкъ къ тексту нѣсполнѣній выражаетъ одно изъ существенныхъ свойствъ знаменнаго распѣва и не составляетъ особенности печатныхъ нотныхъ изданій.

Другія разности новопечатныхъ нотныхъ книгъ съ старописьменными крюковыми состоятъ:

г) иногда въ нотномъ положеніи мелодій по высотѣ звуковъ, не измѣняющемъ впрочемъ мелодическаго движенія. Въ крюковой нотациі точнѣе выдержано нотированіе мелодій по тональностямъ лидійской и гиполидійской соотвѣтственно византійской теоріи, въ печатныхъ же изданіяхъ, многія мелодіи для удобства голосовъ нотированы на низшихъ ступеняхъ звуковой лѣствицы (обыкновенно на кварту, а иногда и на секунду ниже нормальной высоты) безъ точнаго соотвѣтствія теоріи. А такимъ образомъ крюковая нотонисъ стоитъ ближе къ византійской теоріи осмогласія, нотонисъ же синодальныхъ

¹⁾ Въ нотныхъ книгахъ конца XVI и начала XVII в. слышались слова: душѣ, Госнодѣ, будѣ, небо, Юна, вмѣсто: дѣшу, Госнода, будѣ, небо, Юна и т. п. Пастыри Церкви (напр. преп. Діонисій) строго обличали такія погрѣшности. „Церковное ибнѣ въ Россіи“, о. прот. Разумовскаго, М. 1867 г. стр. 76.

изданій ближе къ практическимъ потребностямъ церковнаго пѣнія-

д) Въ нѣкоторомъ различіи способа варіированія однѣхъ и тѣхъ же мелодическихъ строкъ. Въ безлинейныхъ нотныхъ книгахъ варіированіе это есть почти исключительно мелодическое, состоящее въ добавкѣ дополнительныхъ нотъ между нотами основной мелодіи или въ концѣ мелодическихъ строкъ, въ линейныхъ же сверхъ того (а иногда и взамѣнъ того) встрѣчается иногда варіированіе гармоническое, состоящее въ замѣнѣ той или другой мелодической ноты гармоническою нотой, находящеюся въ томъ же ладѣ.

е) Въ сокращеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ синодальныхъ изданій, или даже выпускѣ ѳитныхъ мелодій за не требуемою священнодѣйствіями ихъ протяженностію¹⁾. Но сокращеніе ѳитъ или употребленіе ѳитъ краткихъ (переводочныхъ) того же характера вмѣсто полныхъ не выходитъ изъ предѣловъ, указанныхъ практикою въ древнихъ нотныхъ книгахъ. Ибо ѳитныя мелодіи и въ рукописяхъ часто являются въ сокращенномъ видѣ и даже выпускаются (напр. въ маломъ знаменномъ роспѣвѣ и въ пѣснопѣніяхъ, изложенныхъ преводне), а также имѣютъ варианты, отступающіе отъ обычныхъ формъ ѳитныхъ мелодій. При томъ сокращенія и выпуски ѳитъ мы видимъ только въ обычныхъ повседневныхъ и воскресныхъ пѣснопѣніяхъ (особенно въ Октоихѣ и Ирмологѣ), въ пѣснопѣніяхъ же, имѣющихъ торжественный характеръ, особенно же въ праздничныхъ стихирахъ (см. Праздники) и въ пѣснопѣніяхъ выжидательнаго характера (см. Обиходъ) ѳитныя мелодіи и въ печатныхъ изданіяхъ сохранены во всей ихъ полнотѣ и безъ всякихъ измѣненій.

---

¹⁾ Примеръ такого сокращенія можно видѣть изъ сравненія наиримѣрь воскреснаго богородична догматика IV гласа по синодальнымъ изданіямъ и по изданію Н. М. Потурова: „Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія“, М. 1875 г., стр. 208—210.

ж) Въ различіи нотнаго правописанія относительно протяженности отдѣльных нотъ, а также въ различіи незначительныхъ подробностей относительно высоты или послѣдовательности нѣкоторыхъ нотъ при тождествѣ основнаго мотива. Напримѣръ, цѣлая нота съ послѣдующею за нею осью безлинейныхъ рукописей замѣняется въ линейныхъ изданіяхъ четвертью съ точкой и послѣдующею за нею осью ($\text{C} \text{ } \text{C} = \text{C} \text{ } \text{C}$). Причиною того разность нотнаго правописанія. Въ дѣйствительности протяженность звука въ древнихъ мелодіяхъ зависитъ отъ мысли и силы ударенія и не можетъ быть точно опредѣлена размѣромъ той или другой ноты. А потому и то и другое обозначеніе ея нотами одинаково не точны. Линейное же правописаніе правильнѣе уже потому, что приближено съ современнымъ намъ симметрическимъ ритмомъ мелодій и удобопонятнѣе для насъ, чѣмъ безлинейное. Что же касается разностей по высотѣ и послѣдовательности нѣкоторыхъ отдѣльных звуковъ, то онѣ, не нарушая не только характера, но и формы мелодическихъ строкъ распѣва, являются иногда въ печатныхъ изданіяхъ, какъ необходимыя исправленія на основаніи гармоническихъ или вообще акустическихъ началъ самой мелодіи.

з) Наконецъ, никто не будетъ отрицать, что существующія наши рукописныя и печатныя нотныя изданія не служатъ образцами совершенства, ибо въ тѣхъ и другихъ могутъ встрѣчаться недоразумѣнія и ошибки частныхъ лицъ — переписчиковъ ли то, издателей или даже исправителей церковнаго пѣнія. Но ошибки эти никѣмъ не считаются образцами для подражанія, усматриваются и исправляются, или подлежатъ исправленію по указанію теоріи древне-византійскаго церковнаго пѣнія, чрезъ сравненіе разныхъ списковъ и изданій нотныхъ богослужебныхъ книгъ. Будемъ надѣяться что и труды современныхъ намъ дѣятелей въ области древняго церковнаго пѣнія не останутся безплодными.
